

лесетей, которые вещают по всей стране. Нет смысла иметь еще один общенациональный канал. Талантливых людей на всех не хватит. Практически все уже перебрались в Москву, потому что здесь есть деньги и возможности.

— **Ваши слова, наверное, обидно звучат для знаменитой петербургской интеллигенции...**

— Потомственная петербургская интеллигенция, как некая особенная формация или прослойка в обществе, — это, мне кажется, уже больше миф, нежели реальность. В блокаду погибли миллион человек, а до этого были Первая мировая война, революция, эмиграция, гражданская война, финская... Увы, почти никого из старой потомственной петербургской интеллигенции не осталось. Безусловно, у Питера есть определенный уровень культуры и он выше, чем в Москве. Но выше не потому, что выше уровень интеллекта или интеллигентности. Просто в Петербург приезжает меньше иностранцев, меньше распыляется кровь города. Но в принципе эти два города вообще нельзя сравнивать. Они просто разные, как Москва отличается от Новосибирска, а Питер от Тюмени.

— **Вы можете представить, что живете в каком-нибудь небольшом провинциальном городке или даже в деревне?**

— Нет, я должен жить в большом городе! Я не могу жить даже за городом. Если бы я жил в Америке, то только в Нью-Йорке, в Англии — только в Лондоне, во Франции — только в Париже. Я человек городской и плохо себя чувствую за городом, на свежем воздухе. У меня нет тяги к земле, к даче. В вынужденной ситуации, может быть, и смог бы, а по доброй воле — нет.

— **Жаждете славы, известности? И как она, эта ноша, не тянет?**

— Тяжести я не чувствую. Человек, идущий в публичные профессии, будь то актер, журналист, обязан быть к этому готов. А зачем он тогда пришел в эту профессиональную сферу, если не любит славу? Конечно, слава приятна, но от нее очень устаешь. Не верьте тем знаменитостям, которые говорят, что им не нравится, когда их везде узнают. Они кокетничают.

— **Вы рано поняли, кем хотите стать в жизни?**

— Я до 10 класса не имел понятия, куда пойду дальше. Я закончил школу со всеми пятерками в аттестате и точно знал лишь одно, что хочу учиться в нашем — тогда еще Ленинградском государственном университете. У меня дедушка закончил этот университет (кстати, он был одним из учеников Курчатова, одним из основателей Дубны и находящегося там Объединенного института ядерных исследований). Как-то Луначарского спросили: «Кто такой интеллигент?». Он ответил, что это тот человек, который окончил три университета — то есть его дедушка окончил университет, отец и он сам. Это моя ситуация. Мой отец вслед за дедом тоже закончил ЛГУ. В 1989 году поступить в университет было очень сложно. Можно было поступить на технические факультеты, но несмотря на то, что все мои родственники были либо инженерами, либо были связаны с техникой, я

этого не хотел, хотя мне точные науки тоже давались очень легко. Я был усидчивый, трудолюбивый, но я знал, что буду выбирать из гуманитарных факультетов. Мне абсолютно непонятно было, чему учат на философском или психологическом факультетах. На филологический поступить было невозможно. А на журналистику шансы были. Хотя конкурс был девять человек на место. Доходило до смешного. К нам на факультет поступал участник афганской войны. На все экзамены он приходил при полном параде, со всеми орденами и медалями. Уровень подготовки у него был очень низкий, но гонора очень много. В тот год свободной темой сочинения была афганская война. Ну, он и начал сочинение: «Я служил в Афганистане». Остальное, наверное, даже не читали. Его, естественно, тут же взяли.

— **Вам, наверное, трудно общаться с людьми, не знающими, кто такой Бодрийер и не цитирующими Лотмана?**

— Если мне с кем-то трудно общаться, я просто избегаю этих трудностей — я не общаюсь с этими людьми. С людьми старше меня я нахожу общий язык. Но с младшим поколением, увы, далеко не всегда. Мой старший сын — он заканчивает школу — недавно принес мне экзаменационные вопросы по русскому и литературе. Они казались ему очень сложными, но я посмотрел и мне показалось, что их уровень ниже среднего. Раньше в наших школах готовили думающих людей, а сейчас нет. Только и говорят: как много дефи учатся, как много они задают. Мне кажется, в наше время задавали больше, учились мы больше и все это давалось нам в десять раз легче.

— **Начался сезон отпусков. Где вы любите проводить свое свободное время?**

— Отдыхать мы обычно ездим на море. Я люблю лежать под солнцем и не понимаю отдыха в виде путешествия. Я лентяй, и если мы с семьей едем отдыхать за границу, то никогда не осматриваем достопримечательности. Для этого должно быть какое-то другое время, но не отпуск. Отпуск мне жалко тратить на достопримечательности. Я на работе так устаю, что в отпуске две недели мне хочется лежать на пляже, читать, есть, пить и вообще ничего не делать. Дома так отдыхать не получается, потому что у нас очень маленький ребенок. Ему всего полтора года, и мне не до лежания. Даже если у меня выходной, все равно дела находятся. Выходных не бывает в принципе. А курорт — это совсем другое. Но, главное, чтобы там было мало наших соотечественников. От них очень устаешь, так как за границей они становятся просто неуправляемыми. Хотя многие иностранцы похожи в этом на нас. Например, немцы — они аккуратные, педантичные люди у себя на родине, но что они творят в Турции или на Кипре, это ужас какой-то, страшно смотреть! Наши — то же самое. Большое количество денег плохо влияет на людей, развращает их. К тому же у нас очень долго никто и никуда не выезжал. И в крови, наверное, это осталось — не умение себя вести на людях.

— **Интересно, а вы в своих частых путешествиях носталь-**

гируете по Питеру или России?

— Я могу жить совершенно спокойно в любой стране. Я жил и работал за границей полгода и чувства ностальгии совершенно не испытывал. Я люблю свою страну, но это не значит, что я не смог бы жить в другой стране. Конечно, смог бы. К тому же по лицу меня сложно принять за русского. Я же не голубоглазый блондин и довольно хорошо говорю по-английски. В Америке меня могут посчитать за соотечественника, на Кубе принимают за испанца. Русский человек за границей перестал быть диковинкой. Когда в начале перестройки мы ездили учиться за рубеж, то, узнавая, что мы русские, нас удивленно оглядывали, старались даже потрогать. А теперь нет. Мы и одеты не хуже иностранцев. И денег у нас не меньше.

— **Кстати, о деньгах. Насколько я знаю, вы ведете сразу две программы. Что их ожидает летом, когда на телевидении наступит «мертвый сезон»?**

— Вот только что записал сразу несколько программ впрок. В июле и августе «Сферы», как и многие другие программы, выходят в повторах. Так уж принято на телевидении. Но работы от этого меньше не стало. Своим ходом илут другие проекты, работаю ведущим на мероприятиях и концертах. В этом году мы их провели не так уж много, а в прошлом-позапрошлом были целые циклы — например, в Эрмитажном театре я вел цикл концертов классических хитов. А на телевидении у меня сразу две программы — «Международное обозрение» в Питере и «Сферы» в Москве, кроме того наша команда постоянно делает различные документальные телефильмы. А еще у меня маленький ребенок, и всего одна бабушка. Поэтому помогать нам, а моя жена — Марина Бирюкова — режиссер всех моих проектов, особенно некому. Пока я не езжу на съемки за границу. Отправляю своих корреспондентов — они не подводят. А раньше очень часто ездил сам, раз 6–7 в год. Зато все тексты пишу только сам. Конечно, иногда пользуюсь объективкой — той информацией, что пишут для меня корреспонденты. Но даже если корреспондент напишет текст сюжета полностью, то я все равно переписываю его под свой стиль.

— **Вы занимаетесь ранним развитием своего полторогодовалого сынишки, чтобы он вырос интеллектуальным человеком?**

— Никому не нужно, чтобы ребенок начал читать в три года, а в четыре рисовал, как Малевич. Лично я, когда пошел в школу, не умел ни писать, ни читать, ни считать. Проблема молодого поколения, по-моему, в том, что оно находится в грандиозном информационном поле, но ничего в себя не впитывает. Их кругозор очень узкий. Когда они не помнят, кто такие Ленин и Крупская — Бог с ними. Но они не знают элементарных вещей! Вот пройдите по улице и спросите у подростков: «С кем мы воевали в последней войне?» Или кто был первым космонавтом? Ответят единицы. Мы-то в их годы знали, что после школы надо что-то делать, иначе в жизни ничего не добьемся.

Валерия ВАЛЬЦОВА